

Японские негативные вердиктивы в свете корпусных данных

С. В. Чиронов

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Аннотация. Настоящая статья представляет собой часть программы исследования языковой концептуализации и средств выражения различных языковых действий в современном японском языке. В литературе изучение такой «грамматики интенций» для японского языка ведётся отрывочно на неоднородных теоретической базе и материале, отсутствует системный подход, сравнимой, например, с русской жанристикой, что усложняет применение в переводе и преподавании. Предметом данной статьи являются речевые действия в рубрике «негативных вердиктивов», покрывающих речевые акты критики, порицания, обвинения и упрёка. На материале корпуса письменных источников японского языка обследован материал цитатных конструкций при таких глаголах, содержащий типичные структуры и формулы речевой критики. Полученные данные позволяют уточнить принципы организации семантического поля этих речевых глаголов в японском языке на основе признаков публичности высказывания, ответственности деятеля и планируемых перлокутивных эффектов. Единство класса подтверждается значительной схожестью структурных типов высказываний, включая и исключительно или почти исключительно свойственные этой группе типы – вопросы-упрёки и «навешивание ярлыков». Детальное обследование материала цитат, сгруппированных по типам их предикатов и структурным типам цитируемых высказываний, показывает высокую представленность в них вопросов, побуждений и других косвенных речевых актов. Круг их использования задан фреймом соответствующего речевого действия, в рамках которого выбор фокусируемого фрагмента (слота) обусловлен прагматическими задачами говорящего. Выявлены конструктивные особенности изученных речевых жанров на различных структурных уровнях, от грамматически-конструктивного до лексического. Ряд из них речевая критика «делит» со смежными речевыми жанрами по принципу единства прагмасемантических компонентов, часть же была подтверждена на материале корпуса как специфически маркирующая обследуемую сферу речевого общения. Обнаруженные закономерности речевого выражения критической речевой интенции подлежат уточнению на более широком материале, а при масштабировании на материале других речевых жанров и их групп должны лечь в основу составления коммуникативно-речеактового словаря японского языка.

Ключевые слова: японский язык, корпусные данные, речевые акты, речевые глаголы, иллокутивные маркеры, цитатные конструкции, речевая критика

Для цитирования: Чиронов С.В. Японские негативные вердиктивы в свете корпусных данных // Филологические науки в МГИМО. 2026. 12(2). С. 36-57. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-36-57>

Japanese Negative Verdictives in the Light of Corpus Data

Sergey V. Chironov

MGIMO University,
Moscow, Russia

Abstract. This paper forms a part of a larger research project in the field of conceptualization and verbal expression of various speech actions (not limited strictly to speech acts) in contemporary Japanese. In particular, to this day the absence of clear basis in linguistic expression of most speech acts has been considered a weakness of Speech Act Theory. One way to bridge this gap is collecting data from available quotation constructions with speech verbs. In contrast with their thematic structure derived from verb surroundings, this method ultimately yields all possible verbalization patterns for given speech actions. The object of the study is quotation constructions headed by a set of speech verbs falling under the category of negative verdictives – Speaker criticizing Addressee (for a reason that is discomforting her and intent on inducing corrective action). The propositional content, as well as syntactic properties of the quotes add specificity to the Speech event parameters in case of each verb, and confirm principal differentiations between speech verbs as mental concepts (idealizations) of those speech events. Such oppositions in this zone include publicity vs. intimacy, responsibility of the actor and preference of emotional vs. rational impact. Significant overlapping between these categories here signals a natural diffuseness of related concepts and the unity of the type of utterings. The latter is also confirmed in cross-cutting types of propositional content ‘questioning to blame’ or ‘calling names’. Means of linguistic expression for critical utterances show a high frequency of indirect speech acts, predominantly questions and directives. The scope of acceptability of such expressions is posited as coinciding with the scripted concept of linguistic criticism, highlighting areas of it relevant to speech situation and Speaker’s intentions. Quoted material also yields numerous formal indicators (of the speech action type) at several structural layers, categorizable as illocutionary markers or tokens. These, along with the abovementioned structural models, call for systematic description and codification with a view to a complete dictionary of communication grammar of Japanese (and more languages).

Keywords: Japanese language, corpus data, speech acts, speech verbs, illocutionary devices, quotation constructions, complaints

For citation: Chironov S. V. Yaponskie negativnye verdiktivy v svete korpusnykh dannykh [Japanese negative verdictives in the light of corpus data]. *MGIMO Journal of Language Research and Teaching*, 12(2), 36-57. 2026. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2026-2-47-36-57> (In Russian).

1. Введение

Исследование речевых глаголов (РГ) имеет принципиальное значение с точки зрения как уточнения концептуализации речевой деятельности носителями конкретного языка или их множества, так и выявления выразительных средств в нём (них) для достижения определённых коммуникативных целей, без чего, в свою очередь, невозможно ни верно интерпретировать речевое поведение, ни научиться ему, ни тем более научить. Пример блестящего решения первой задачи – книга-путеводитель А. Вежбицкой по РГ английского языка (Wierzbicka, 1987), вкупе с другими её работами показывающая возможности применения этих сведений в рассуждениях касательно

особенностей культур и ментальностей. Второе предполагает более тщательный анализ ситуаций употребления РГ, для чего незаменимым на сегодняшний день подспорьем служат корпусные данные (хотя роль экспертной интроспекции в последующей оценке данных, разумеется, сохраняется и здесь). Последнему посвящена настоящая статья, входящая в обширную программу исследования речевой деятельности носителей, и в частности – иллокутивных инструментов (illocutionary devices, то есть средств выражения коммуникативных интенций), японского языка (ЯЯ). В данном случае исследуется небольшая, но насыщенная с точки зрения напряжения между говорящим (Г) и адресатом (А) группа РГ, содержащих сему «критики», или «неодобрения» – негативной оценки Г, направленной на (действия или атрибуты) А.

В классификации Дж. Остина (Austin, 1975) такие речевые действия (РД) попадали в разряд вердиктивов как преследующие цель фиксации оценки. У Дж. Сёрля (Searle, 1976) они включаются в разряд ассертивов или экспрессивов в зависимости от примата выражения фактов или отношения Г к А, что не позволяет отразить отличие их перлокутивных эффектов от прочих членов этих классов. Особенности речевой критики как РА описываются с точки зрения механизмов языковой вежливости как в плане реализации интенций Г через различные коммуникативные стратегии, так и их балансировки с целью сокращения ущерба социальному «лицу» А (Olshtain, Weinbach, 1993; Trosborg, 1994; 臼田, 2024). В японской лингвистике проблема параллелей между содержательным планом высказывания и его формальной стороной изучается как в концептуальном плане (山岡, 2008), так и на примере отдельных типов речевых действий, в том числе в сопоставительном аспекте, см. работы на сравнительном материале с русским (プロコピエヴ, 2017), китайским (李, 2016), тайским (Ямаути и др., 2022) языком, нередко также в преломлении преподавания японского языка и наблюдения за речевыми ошибками обучающихся (鈴木, 2024; 初鹿野他, 1996; 山内他, 2022). В русистике упомянутая в начале этого параграфа двуединая задача решалась в рамках исследования речевых жанров, обнаруживающих как универсальные, так и этноспецифические черты, в том числе на путях моделирования отдельных речевых поступков (Бушуева, 2023, 1-2), а также часто применительно к онлайн-коммуникации (Иссерс, 2023; Юськаева, 2023).

В настоящем исследовании впервые для всей группы японских негативных вердиктивов ставится цель выяснить (посредством изучения языкового окружения соответствующих РГ на корпусном материале) закономерности лингвистической концептуализации соответствующих речевых действий и проследить средства их реализации в речи.

2. Материал и методы

Для определения круга исследуемых РГ применялись данные двуязычного словаря¹, откуда была извлечена первичная выборка японских РГ, соответствующих группам *reprimand*, *blame* и *accuse* у А. Вежбицкой (*reprimand*, *reproof*, *reproach*, *scold*; *blame*, *challenge*, *criticize*, *condemn*, *denounce*, *curse*; *accuse*, *charge*, *challenge*), при этом *defy*, *dare* и *admonish* были удалены на этом этапе как выходящие за рамки выбранного типа, нацеленного на критику А за *something bad* на её же семантическом метаязыке. По той же причине – приоритет экспрессии над фактурой – вне нашего поля зрения остаётся обширное поле высказываний из категории «языка ненависти», равно как и высмеивающие высказывания). Первым несоответствием, выявившимся на этом уровне, были локальные лакуны. Например, отсутствие лексических эквивалентов для *blame*₂ по А. Вежбицкой (контрфактивного – винить кого-то в том, что он не совершал), для которого применяется объяснительный перевод *X no sei ni suru*, ср. рус. *винить КОГО В ЧЁМ* (при наличии эмоционально окрашенного *nuregimi o kiseru* = *возводить напраслину*). Кроме того, приводимые в наиболее полных и авторитетных словарях наборы эквивалентов представляют собой классический казус

¹ Iwasaki T., Kawamura J. New English-Japanese Dictionary. Tokyo, Kenkyusha. 65th edition. 1979, 2204 p.

циклических определений, где фактически в переводе «тасуется» одна и та же весьма компактная подборка глаголов: так, togameru и shikaru встретились в переводе 8 английских РГ, hinan-suru – 7, a semeru и kogoto o iu – 5. Не лучше ситуация была и при перекрёстной проверке русско-японских соответствий по словарю², где, в частности, решительно отсутствовали следы постулируемого разделения Порицания и Упрёка по признаку нарушения общей нормы vs. частного соглашения коммуникантов (Иванов и др., 2003, 728). Помимо этого, обращение к более свежим данным онлайн-переводческих систем³ дало дополнительные эквиваленты: ситуативно тяготеющей к критической импликации обозначению критики РГ shiteki-suru (это свойство в более слабой степени свойственно англ. point out и ещё меньше рус. *указать на* (недостатки и т.п.), а также tataku в значении, развившемся из глагола физического воздействия, см. один из вариантов перевода с параллельной историей развития thrash, ср. ткж. рус. *побить* (убедительно победить).

Последующий основной блок работы представлял собой выявление в наиболее объёмном из доступных на сегодня японоязычном корпусе⁴ контекстов, показывающих связь между содержанием высказываний и их формой (все примеры ниже взяты из этого источника и снабжены моим переводом, остаются доступны и поэтому не атрибутируются). Полное описание РГ предполагает в первую очередь уточнение их полной актантной структуры, но на этом этапе решено было ограничиться цитатными конструкциями, обработка которых облегчается порядком слов в японском предложении: подчинённый материал в нём предшествует вершине, а рема по возможности сдвигается вправо, то есть рематически выделенное содержание цитаты будет непосредственно предшествовать глаголу. При этом в механически формируемых массивах приходится вручную снимать синтаксическую омонимию с прочими случаями, тоже вводимыми маркером to (условные придаточные, наречия образа действия и обстоятельства цели), напр., 女性教員だけタバコを吸うと文句を言われる = *только если женщина-преподаватель курит, то ей делают замечание*. С ограниченным кругом РГ синоиероглифического происхождения доступны также материал изъяснительных придаточных при их номинализациях, вводимый оборотами to iu и to no (в цитатах по тексту такие случаи помечены звёздочкой). Три РГ, значение которых не ограничивается критическим контекстом, пришлось отсеять ввиду преобладания в них «посторонних» примеров – морализаторских «предупреждений» с chuui-suru = *обращать внимание / делать замечание*, см. полисемию рус. *замечание*, отражаемую и в таксономии речевых жанров (Шилихина, 2025), (полемиических) констатаций с shiteki-suru = *указывать*, а также (не обращённых на А) получающих самую различную экспрессивную нагрузку с звуко-символическим tsubuyaku = *ворчать, бормотать*, см. 「ごめんね」とつぶやいた = *Ой, прости, - пробормотал он* (отдельные примеры с ними фигурируют в основном в качестве иллюстраций как раз сходства между разными группами РГ).

3. Результаты и обсуждение

Получаемые из предшествующего (примыкающего непосредственно слева) контекста поисковым фрагментам корпусные данные прежде всего наглядно показывают общую дистрибуцию типов тех типов высказываний, которые воспринимаются (концептуализируются) носителями японского как критика – иначе говоря, негативные вердиктивы, см. таблицу 1. Тип определяется преимущественно по свойствам предиката цитируемой пропозиции Р (за исключением относительно редких и сложных случаев, которые следует признать трансформами). Таким образом, помимо времени порицаемого осознанного действия А (если именно указание на

² 東郷正信等 (編者) 研究社露和辞典 (Того М. и др. (ред.) Русско-японский словарь. Токио, Кэнкюся) 1988. 2764 с.

³ Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net/translation/> (accessed: 20.01.2026) и Weblio英和和英辞典weblio URL: <https://ejje.weblio.jp/> (accessed: 17.02.2026)

⁴ BCCWJ: Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese-Kotonoha, Режим доступа: https://shonagon.ninjal.ac.jp/search_result (дата обращения: 01.02.2026)

него воспринимается как критика) релевантны признаки оценочности, объективности оценки, а также эмоциональной эмфазы. В случае «квалификации» предикат содержит классификатор, соотносящий критикуемое с внешней системой определений (а описываемое недоступно эмпирически). Указывает на «порицаемое свойство» оценочный предикат (часто прилагательное), где субъективная оценка включает личные ощущения или переживания Г. Особенностью (и закономерной) рассматриваемого массива является частотность таких высказываний, которые ниже условно названы «навешиванием ярлыков»: это краткие, хлёсткие выражения, апеллирующие больше к образному мышлению и эмоциям, чем к разуму. Отдельно выделены случаи с вершиной в коннекторе причинности – «каузация», а также прочие «сентенции» Г о мире, мало или вообще не связанные с действиями А (но попадающие в данное поле в силу своей полемической заряженности, позволяющей «критиковать» кого-то за мнение, отличное от мнения Г). По конечному предикату рубрифицируются относительно немногочисленные случаи комбинаций нескольких типов, см. пример квалификации, сопровождающейся указанием на негативный результат действий в прошлом: 共産主義指導者等を「数千人におよぶ死者を出すことになった犯罪的な隠匿」と糾弾 = осуждает коммунистических лидеров за «преступное сокрытие информации, повлекшее за собой тысячи смертей».

Таблица 1.

Содержание цитат при речевых глаголах (количество вхождений в корпусе)

		действие Г	действие А в прошлом	действие А в настоящем	действие в будущем	положение дел	квалификация	порицаемое свойство	навешивание ярлыков	Каузация	сентенция
HIHAN	критиковать		14/11/6	32/26/11	5/17/6	11/23/16	8/18/21	34/50/16	17/20/20	5/4/1	0/6/3
HINAN	осуждать		19/3/1	15/7		4/7	0/6	10/10	17/8	10	
KYUUDAN	клеймить		2	2			5	1	4	1	
SEMERU	корить		11	15/1		5		8		2	
TOGAMERU	упрекать		1	4				4			
SHIKARU	бранить		8	53	10/1	6		29/1	5		
SHISSEKI	=//=		2	4/1		1		4/1			1
SHITTA	=//=			10		1			1		1
NAJIRU	пилить		2	2		1	3	1	2		
TATAKU	шпынять		1				1	1	2		
KENASU	поносить	1				2		1	4		
OTOSHIMERU	третировать						2	1	1		
BUJOKU	оскорблять						1		3		
NONOSHIRU	ругать		2	3	1	3	6	3	27	2	
BATOO	клясть		1	4			4	2	6		
FUMAN	жаловаться	2	5/5	15/5		14/6	0/2	11/5	2/1	3	
MONKU	=//=	1	4/1	22/1		18/4	7	16/3			2
FUHEI	бурчать			1/2		8/2					2
KOGOTO	ворчать			2							
KOKUHATSU	изобличать		7	4		3		1	1	1	
BAKURO	вскрывать			1							
MIKKOKU	доносить		2	3		1					

*формулы N/M/L означают число вхождений соответственно с to, to iu и to no

Так как описание семантики отдельных РГ в левой колонке уже предпринималось в толковых и двуязычных словарях, в том числе и доступных сегодня через онлайн-ресурсы-агрегаторы, в таблице приводится лишь самый условный, иллюстративный перевод. Также из соображений экономии места устранены глагольные компоненты в лексемах синоиероглифического происхождения hihan/ hinan/ kyuudan-suru, monku/ fuman/ kogoto/ fuhei о iu; такая же запись используется в пометах при примерах ниже.

1. Изначально исходя из словарных дефиниций в РГ исследуемой группы можно выделить несколько областей. Так, описываемые РГ *hinan-suru*, *hihan-suru*, *kyuudan-suru*, *kokuhatsu-suru* и *tekihatsu-suru* РД предполагают осуществление в публичном поле (даже когда это делается негласно, как с *mikkoku-suru*), тогда как *shikaru*, *semeru*, *togameru* и особенно *najiru*, наоборот, содержат приватный, даже интимный компонент, не устранимый и тогда, когда РД имеет место на публике. Однако, если собственно вердиктивами считать предикаты, по Остину, фиксирующие юридический статус объекта, изменяемый в результате РД, то мы обнаруживаем, что именно для аналогов РГ класса, составляемого в английском *accuse*, *condemn*, *charge*, *denounce*, *impeach*, *indite*, по крайней мере компактной группы в ЯЯ не обнаруживается. *Condemn2* (ср. рус. *осудить*) по А. Вежбицкой (в судебном смысле) составляет ещё одну лакуну в японском материале, где во всяком случае, с синтаксических позиций ситуативный аналог *iwatasu* имеет своим объектом наказание, которое «передаётся» обвиняемому; из этой ситуации очевидным образом убран всякий критический, то есть, изначально вердиктивный компонент («лакуна» означает, что содержание цитаты оформляется РГ общего действия, а не РА-специфичным). Роль ближайшего аналога *condemn1* – *kyuudan-suru* (где сохраняется подчёркиваемый у Вежбицкой компонент негативной оценки самого деятеля, см. рус. *клеимить*) в общественном дискурсе в целом весьма незначительна, как видно из скудных цифр общего количества вхождений. Приходящийся аналогом *denounce* (ср. рус. *изобличать*) *tekihatsu-suru* вообще не встречается в корпусе в цитатных конструкциях, в аккузативных же концентрируется в двух типах контекстов – внутренние следственные процессы (объекты включают 脱税 = *уклонение от налогов* (2), 違法薬物 = *наркотрафик*, 怠業者 = *халтурищики*) либо довольно маргинальные идейные баталии (プロレタリア階級の中の異分子 = *чужеродные элементы в пролетарском классе*, 内部の敵 = *внутренний враг*, 大財閥 = *крупные дзайбацу*). Не находится специального эквивалента и для *deplore*, передаваемого сочетанием универсальных РГ с речевыми формулами типа 遺憾である = *прискорбно*, 残念だ = *достойно сожаления* (притом что *deplore1*, не выделяемый Вежбицкой, получает отдельный эквивалент в разряде эмотивов – *pageku*). Переводы *challenge* в свою очередь оказываются распылены между ситуативными эквивалентами, включая РГ реактивного класса (РА Отказ). *Insult* и его аналоги в силу структуры значения (фокус на перлокутивном эффекте) неестественны в цитатных конструкциях.

При всех различиях в способах упорядочения институциональных и общих (неинституциональных) речевых актов (РА) общим, сквозным остаётся параметр «некого права на критику», без соблюдения которого РА будет неуспешным. Осмысление же его разнится от РА к РА. Если в «идеальных» вердиктивах право на «вердикт» дано Г юридической системой, в подгруппе «публичных» РГ фундированность высказывания обеспечивается общими принципами равных прав на выражение своего мнения в общественной дискуссии, то в более «приземлённых» РГ право порицать возникает из любого, пусть даже неформального преимущества в возрасте, осведомлённости, моральной чистоте и правоте. Так, не вдаваясь в детальный анализ тематической структуры каждого глагола (что выходит далеко за пределы задач этой статьи), можно даже при беглом наблюдении, например, за реализацией актантных позиций между близкими глаголами критики убедиться в разнице между *hinan*: 課長による非難 (суровая критика, граничащая с выволочкой, от начотдела) и *hihan*: 占領軍/ 大衆/ マスコミ/ 学者による批判 (рациональная, аргументированная критика со стороны разнообразных Г от некого учёного до СМИ, оккупационных войск и просто людских масс).

Как видно из предъявленных данных, центральным РГ, и демонстрирующим подавляющее большинство вхождений, и универсальным с точки зрения возможности выражения различных аспектов критикуемой реальности, выступает *hihan-suru*. Для критики совершаемых или уже совершённых действий А и называемого свойства служат практически все РГ, кроме близкой к *insult* группы (*kenasu*, *otoshimeru*, *bujoku*), где цель РД отклоняется от выправления Р, не устраивающего Г, к тому, чтобы теперь *feel something bad* уже А. Напротив, по приемлемости «объективной» квалификации, «навешиванию ярлыков» и введению пропозиций, напрямую не связанных с деятельностью А, наблюдается отчётливые (но не скоррелированные) оп-

позиции между подмножествами по признакам, косвенно выводимым из преобладающих типов объектов критики для отдельных глаголов. Это опора на общепринятую рациональность («+» для *hihan-suru*, *batoosuru*, *nonoshiru*, «-» для *fuman o iu*, *semeru*, *togameru*), ориентация на практический результат (как в *semeru*, *togameru*, *monku*, но не *fuman* или *fuhei*) или на риторический резонанс (как *hihan-suru*, *hihan-suru*, *nonoshiru*). Показательны и диспропорции в распределении (паттернов распределения) типов цитируемого материала между РГ. Так, контрастны ориентация на субстантивность критики в максимальной доле называния порицаемого свойства в *hihan-suru* и подавляющее преобладание экспрессивной, риторической интенции в *nonoshiru*, при заметной фокусировке на синхронном действии А в *shikaru*, *semeru* и *togameru*. Логична и всецело фактологическая направленность *bakuro-suru* и *mikkoku-suru*, в фокусе чьей семной структуры – сообщение о действиях, неприглядность которых очевидна (составляет пресуппозицию) и не требует оценки.

Как ключевой семантический параметр распределения типов пропозиционального содержания между РГ выступает ответственность А (критикуемого) – критерий, тесно переплетающийся с аспектом перлокутивной направленности высказывания. По этому признаку даже с учётом возможности реинтерпретации положения дел как результата порицаемых действий отчётливо выделяется «выброс» в зоне *fuman*, *monku* и *fuhei*, где для Г первична цель не обвинить деятеля, а устранить не устраивающую его ситуацию. Здесь, таким образом, следует разграничивать представления Г об объективной ответственности А за возникновение неудовлетворительного Р (что отражается в определениях специальных исследований (Olshtain, Weinbach, 1993; Trosborg, 1994) и о субъективной обязанности А предпринять действия для устранения Р в последней «тройке». Также, говоря о перлокутивных эффектах, нужно учитывать и способ воздействия на А: здесь возможность дискуссии или осознанного признания неправоты так же противопоставлены в *hihan-suru* напору односторонних, «глухих» упрёков в *semeru*, как и в случае английских *criticize* и *attack* (Wierzbicka, 1987, p. 156), тем паче – манипулятивному унижению в *kenasu*.

2. Ещё один важный аспект собранных данных – различия в пропозициональном содержании критических высказываний между конкретными РГ. Даже внутри выделенных выше основных типов разброс довольно значителен. Конечно, при этом сама задаваемая концептуализуемым в РГ стереотипом коммуникативная ситуация определяет примерный набор прежде всего тех «прегрешений» А, которые называет Г. С *kokuhatsu-suru*/ *mikkoku-suru*/ *kyuudan-suru* это должны быть серьёзные нарушения, см. соответственно 性的暴行をした = *применил сексуализированное насилие*, 依怙贖罪をしている = *(незаконно) покровительствовал*/ 反逆を企てている = *замышляет госизмену* / 悪魔を信じる者 = *верят в сатану*, для *semeru*, *shisseki-suru* эта серьёзность будет менее зловещей и более обыденной (夫を殺した = *убила мужа*/ いじめをしている = *травят*), тогда как для *hihan-suru* пойдёт уже и просто житейски неприемлемое: 約束だけして一向に実行に移らない = *только и делает, что обещает, но никак не исполнит*. «Специализация» рационалистского *hihan-suru* – интеллектуальные промахи вроде 予測を間違った = *ошибся в прогнозе* или 見解を鵜呑みにしている = *принимает на веру чужие мнения*.

Прямое называние порицаемого свойства выявляет разницу не только в направленности, но и в пороге допустимого недостатка для критики. Так, превалирующие в *hihan-suru* такие «тонкие», отвлечённые дефекты, как おかしい = *странно* (3), 拙速だ = *топорно* (3), 意味がない = *бессмысленно* (2), 問題が多い/ある = *есть (многочисленные) проблемы*, выглядели бы не более чем пустыми придирками в случаях, где ожидается конструктивная конкретика, как с *fuman* (暗い = *темно*, 冷たい = *неприветливые*) и *monku* (高い = *дорогое* (2), 重い = *тяжёлое* (2), 負担が大きい = *обременительно*). Не говоря уже о контексте *kokuhatsu-suru*, где требуется не менее чем その働き方が人間的でない = *условия работы нечеловеческие*.

В зоне «навешивания ярлыков» значительно отстоит от прочих РГ максимально творческое наполнение негативных оценок при *hihan-suru*, выражаемых каламбурами, афоризмами и гиперболами: 国際的ゴロツキ = *лежебока международного уровня*, 石油泥棒 = *нефтяной вор*, 弱体内閣 = *кабинет слабаков*, см. также: 今回は特殊部隊が脚光を浴びるだろう。スポーツの大会ではなく、軍隊五輪だ = *На сей раз в центре внимания окажутся бойцы спецназа. Это уже*

не спортивные состязания, это Олимпиада военных. Такой креатив, рассчитанный на широкую публичную поддержку продвигаемого тезиса, решительно не вяжется не только с куда более камерными shikaru (怠け(もの) = бездельник (2), バカ(もの) = дурак (2)), najiru (礼儀知らず = полное незнание этикета, 不倫以上の裏切り = предательство хуже супружеской измены), но и с kyuidan-suru, где силу осуждению придаёт не изобретательность, а моральный перевес: 妄説 = дикие фантазии, 国家の恥 = срам для страны. Предельно бесхитростны, наконец, пусть и разнообразные ярлыки-обзывательства в ponoshiru: 犬 = собака (2), 悪魔 = дьявол (2), 変態 = извращенец, くそば = зараза и др.

Наименее рационализировано пропозициональное содержание в ponoshiru, где помимо разнообразных довольно разбросанных (и как будто рандомных) психологических реакций, в том числе в косвенных РА угроз и проч., встречаются даже обещания отдать собеседника дьяволу, пожелания ему мук. Следующим звеном в такой цепочке будет уже porou = проклинать, описывающий РА Проклятье с фокусом на негативное событие, которое должно произойти с А (негативный «близнец» РА Пожелание). Примечательна тактика Г в случае fuhei o iu, где на А «навешивается» ответственность за вещи, которые исправить он не в силах (на метаязыке А. Вежицкой это звучало бы примерно как: I want you to feel bad about it), в чём состоит отличие от родственного экспрессива-жалобы: 人生は単調で空しく凡庸だ = жизнь монотонна и банальна. Ср. неприятие субъектом цитаты рациональности содержания критики в нарочно выхолащиваемом пересказе (monku*): ああでもないこうでもない = то не так, это не так (см. об этой разнице также в (Юскаева, 2003)).

Выделенные различия распределения пропозиционального содержания и типов содержащих его предложений в целом отражают представления о концептуализации речевых жанров жалобы, упрёка, критики, обвинения, оскорбления, для более объёмной картины которых, конечно, нужны наблюдения за наполнением всех актантных слотов РГ. Здесь же они покрывают лишь относительно ограниченную часть материала, значительная масса которого свободно «переливается» между содержанием оформленных изученными РГ цитат. Прослеживается повторяемость и конкретных лексических единиц, и структурных особенностей, о которых ещё пойдёт речь ниже, см. предикаты okashii = ненормальный или osoi - поздно, появляющиеся во многих РГ (hihan, semeru, shiteki и hinan, shitta, monku) и другие похожие случаи. Такая гомогенность – следствие единства отобранной группы (как и для речевых жанров или метажанров (Шилихина, 2025)), преодолевающего заданное у А. Вежицкой разделение по актантной структуре.

3. Центральным блоком доступных данных – структурные модели оформления негативных вердиктивов. Довольно неожиданным может показаться их чрезвычайное разнообразие в цитируемом при РГ материале, далеко отстоящее от того, что можно было бы ожидать от ассертивов в сёрлевской трактовке. Отчасти это объясняется избранным подходом к подбору цитируемого материала, в который, даже по самым поверхностным наблюдениям, значительно более широкий круг структурных моделей попадает за счёт включения цитатных оборотов при номинализациях в силу большей степени косвенности в передаче содержания цитаты в таком случае, см. рус. аналоги из рода погрёки в том духе/ плане/ смысле, что, мол, зачем нам это надо и т.п. Кроме того, следует помнить и об общей пониженной «аутентичности» японской цитаты, где главенствует принцип точной передачи интенции, а не конкретного выражения (鎌田, 2000), при, напротив, предпочтительности именно цитатной конструкции сложным (много)актантным построениям по типу русских систематических номинализаций, как в укор за многочисленные опоздания. Тем не менее тенденция налицо и заслуживает самого пристального внимания.

Прежде всего следует остановиться на типах предложений, соответствующих представлению о косвенном РА – то есть, не совпадающих по своему грамматическому оформлению (в первую очередь – наклонению) с коммуникативной установкой. В нашем случае таких основных крупных групп две, из которых первая – вопросы. Вопросы, пожалуй, чаще всего приводят как пример КРА для случая уточнения предварительного условия осуществления директивного РА, что считывается как конвенциональный сигнал о директивной интенции (convention of usage (Searle, 1975, 75)). В массиве данных мы сталкиваемся с определённым набором вопросов, одинаково не пре-

следующих цель получить от А информацию, а трактуемых как способ выразить утверждение о (его) действиях (Чиронов, 2015). В их числе различные вопросы-упреки, помещаемые в составе рубрик «указание на действие А», «квалификация», «указание на порицаемое свойство».

А) Прежде всего это общий вопрос – запрос подтверждения «ты что, делаешь/сделал Р?», см. 「大人けのくせに子供のお金を盗むの?」 = *что ж ты, здоровый лоб, а у ребёнка деньги крадешь?* (hinan*). Сюда же попадает известное высказывание Ettu Bruti? (shikaru; в транскрипции источника). Эффектно звучит вопрос про будущее действие «ты что, собираешься сделать Р?»: *また、オレか* = *что, снова мне?* (fuman).

Экспликация недопустимости действия, осуществление которого уточняется, более отчётливо позиционирует высказывание как упрек, а не как, скажем, переспрос: *ヘトヘトなのに、今度はもっと速く走れというのか* = *ты хочешь, чтобы я бежал ещё быстрее? хотя я уже вон на ногах еле стою?* (fuman), подобные случаи особенно часты с monku.

Обратный случай представляет общий вопрос-скепсис – «делается ли не-Р (должное)?»: *首相は沖縄問題を考えているのか* = *задумывается ли премьер о проблемах Окинавы?* (hihan). Под вопрос может ставиться осознание А (или 3-го лица) сути или последствий его действий: *改革阻止に回っていることに気付いているのか* = *осознаёт ли он, что тем самым поддерживает противников реформ?* (hihan); или же его способность сделать желательное не-Р: *自分の事も自分で決められないのか* = *ты что, не можешь сам решить за себя?* (hihan*), ср. *湯を沸かすことができないのか* = *ты что, чайник не в состоянии вскипятить?* (shikaru).

К общим вопросам относятся морализаторские, включая уточнение разрешённости или права сделать: *...資格があるか* = *ты (вообще) вправе ли...?* (semeru), «разве можно делать Р», см. *判断をまかせてよいのか* = *можно ли ему доверить решать?* (hihan*) Все эти подтипы на поверхности представляют попытку разобраться в предварительных условиях осуществления РА Критики, сигнализируя её «издалека».

Б) Конкретные вопросы-упреки начинают с самого очевидного, не требующего ответа в смысле предоставления информации, но отчёта и ответа на обвинения, «что это ты делаешь?»: *何をやっているのか* = *чем ты занят?* (hihan), 「何をしているんだ」 = *ты чё творишь?* (togameru), *なにすんだよおー* = *да чё ты делаешь, а!?* (fuman), см. более изощрённое *絵図帳面ばかりを振り廻して威張っておる*. *何たる了見か* = *ходит и эдак важно размахивает своим блокнотом. Да что он о себе возомнил!* (hinan*). То же применимо к критике положения вещей, особенно с fuman, monku и fuhei.

В) Отдельная частотная группа – вопросы о мотивации А, «зачем ты делаешь / сделал Р?». Степень искреннего желания Г разобраться в скрытых механизмах событий демонстрирует максимально широкое применение такого типа высказываний практически со всем РГ: *なんでそんなことするんだ?* = *зачем такое делать?* (togameru), *どうして何もしなかったのか* = *почему же вы ничего не предприняли?* (semeru), *なんで昨日のうちに言わなかったのよ!* = *чё ж ты вчера сразу не сказала!?* (monku). Усиливает эмоциональный нажим на А вопрос-дуплет: *なんで今まで黙っていたの, なんで隠してた?* = *что же ты молчал? почему всё скрыл?* (semeru; весьма странно звучало бы с hihan), ср. с рационалистическим напором аргумента (обоснование не-Р): *そんな国でなぜワールドカップを開くのか* = *зачем же в такой стране проводить кубок мира?* (hihan).

В эту форму легко облакаются трансформы с указанием на порицаемое свойство: *なに甘えたこと言ってるのよ* = *ну и к чему эти наивности?* (shisseki), *なんでこの時期にやるのか* = *зачем же в такое время это делать?* (fuman).

Ещё более радикальный вариант – использовать tsumori, активирующее в ряде контекстов контрфактивную презумпцию (Martin, 1975, 738), тем самым ещё до предполагаемого ответа уличая А в неправоте, см. к комбинации с указанием на порицаемое свойство: *何のつもりでナリスさまにつまらぬことを申し上げた* = *зачем же было говорить такую ерунду госпоже Нарис* (shikaru).

Обратный вопрос: «почему не делается (должное) не-Р?»: *どうして妹と一緒に自分も乳母車に乗せてくれないのか* = *почему меня не возят в коляске с сестрёнкой!* (fuman), см. об этом типе вопросов-упреков с актуализатором по (楊, 2023).

Часть подобных риторических вопросов может быть истолкована как Отказ: 何でまた疲れることの相手しなくちゃいけないの? = почему я должен заниматься *тем, что меня утомляет?* (fuman)

Элементы модальности, добавляемые в такой вопрос, снижают давление на А, получающего частичное извинение: どうして被害を最小限に食い止める勇氣を持たなかったのか = почему же никому *не хватило смелости* сократить ущерб (hihan*)

Напротив, общий вопрос, обращённый к причинам порицаемого (без)действия, закономерно вызывает ощущение более (пожалуй, излишне) глубокой проработки мотивов упрекаемого, что соответствует коммуникативной стратегии Г, описываемой русским РГ *пилить*, см. в характерном контексте для pajiru: *それが姉を助けるより恐いのか* = что, это было страшнее, чем спасти сестру?

Наконец, предельную эскалацию имплицитного в вопросе непонимания мотивов А представляет собой модель «делать Р это что вообще такое?»: 領土を他国にくれてやるとは何事か = отдавать другим странам свою территорию – это вообще как? (fuman*).

Г) В вопросе-догадке («а не происходит ли Р») видна довольно тонкая грань между «искренней» догадкой и «наигранной», представляемой с целью склонить А следовать динамике рассуждения, тогда как сам Г глубоко убеждён в своей правоте (последнюю трактовку притом всё же мощно поддерживает рубрификатор-РГ – критика куда хуже вяжется с догадкой, чем с её «розыгрышем»), см. 無視してきたのではないかと = не вы ли игнорировали события всё это время? (hihan*), 警察は身内であれば黙許容認で大甘の処理をしているのでは = ну полиция, поди, не будет жёстко наказывать своих, а? (hihan*).

Частотна эта модель в категории указания на причинно-следственную связь: ソ連に遅れを取ったのはアメリカの教育制度に問題があるからではないかと = не потому ли возникло отставание от СССР, что на вооружение была взята американская модель в образовании? (hihan*).

Не по формальным признакам, но по интонации и контексту от вопросов-догадок как формы упрека отстоят вопросы - «неприятные открытия», где миративное значение (характерное для ситуации открытия, обнаружения) сближает вопрос с восклицанием: これお前、貪りじゃないかと = что-то ты берёшь больше, чем можешь съесть, нет? (shitta), またストか = опять забастовка (что ли)! (nonoshiru).

Тактика, по которой Г наглядно показывает буквально в реальном времени свой доступ к (порицаемым) данным, заманчива благодаря эксплуатации принципа искренности: にんにく入ってるやん。 = ой, так тут чеснок, нет? (monku).

Среди аналогичных вопросов как запросов подтверждения особняком стоят вопросы без презумпции ответа как уже известного А – скорее, его приглашают убедиться в предлагаемом выводе или оценке: 苦勞が水の泡じゃないかと? = значит, весь труд кому под хвост? или 駄目じゃないか! = так же нельзя, разве нет? (shikaru). Эта модель «растяжима» для случаев, когда от А требуется согласиться с обобщением, недоступным из синхронных эмпирических данных: 一向に匡救の術を聞かないではないかと = никто *ни разу* не спросил о методах вспомоществования в кризис (batoo-suru).

Д) Запрос подтверждения в так называемом tag question стандартно сближается с предположительным высказыванием, для которого он служит одной из конвенциональных оболочек. В этом (хотя бы формальном, на уровне возможных сценариев диалоговой динамики) допущении дальнейших рассуждений состоит функция речевой вежливости, позволяющая использовать такую модель и в указании на положение дел, квалификацию, порицаемое свойство: 日本は本当に新しいものはつくれないのではないかと = В Японии же и правда неспособны уже создать что-либо новое, верно? (hihan*), 矛盾しているのではないかと = нет ли здесь противоречия? (hihan*), см. даже в ситуации с навешиванием ярлыков: バカじゃないの! ? = ну не дурак? (shikaru).

Е) вопросы-рассуждения как правило о будущих событиях уходят в зону вопросов-стений, «разве возможно (желательное) Р»: 果して「法の正義と公正」が期待出来るのか = где уж тут ожидать законности и справедливости (hihan*), см. усложнённую модель «сможешь ли

ты сам сделать (то, что заставляешь)» 赤面せずに 無垢な娘に 聞かせられるか = *а ты бы сам смог не краснея рассказать о таком дочери?* (hihan). Здесь близки к общим вопросам конкретные с наречием степени в фокусе: *どれだけの意味があるか* = *насколько это имеет смысл?* (hihan*).

Наиболее «щадающая» формула вопроса-критики предполагает лишь обозначение проблемной области, «а как же/ а что насчёт...» (где всё плохо): *それに比較して公務員は* = *а как для сравнения выглядят госслужащие?* (hihan*)

С характеристиками положения вещей общим рассуждением оборачивается то, что в отношении действий воспринималось бы как упрёк: *なぜ世界が地図のようでないのか* = *почему же мир не похож на географическую карту!* (fuman).

Выбор между конкретной формулой вопроса, конечно, несёт для Г определённую смысловую нагрузку. Так, усомниться в самом осуществлении Р на поверхности ещё даёт А возможности пересмотреть своё поведение (сказав, например, что его неправильно поняли) и тем самым оказывает меньше давления, чем вопрос о причинах действий (оба примера с monku): 「*あんたはイナカをバカにしているの?*」 = *ты считаешь, значит, всех провинциалов дураками?* и 「*どうしてルノワールにしないのか*」 = *а почему бы было не остановиться на Ренуаре?* Эта тактика перекликается с наблюдениями о роли вопросов для ослабления упрёков в русском (Иванов и др., 2003, 729).

При всём многообразии обнаруженных моделей вопроса возможности их использования в критических контекстах всё же далеко не безграничны. Они обслуживают чёткий набор коммуникативных тактик, которые могут быть сформулированы как указание на неожиданность (собственно, невероятность) Р для Г, отказ согласиться (во всяком случае, без уточнений) с внутренней логикой А (касательно его информированности, мотиваций и целей), необходимость донастройки общего когнитивного фона (из-за пробелов в понимании на стороне А). Как и в других типах коммуникативных ситуаций (экскурсия, доклад) вопрос остаётся мощным средством привлечения внимания А, «силового» вовлечения его в дискуссию (уже поскольку на аксиоматическом уровне предопределяет единственный предпочитаемый сценарий взаимодействия как ответ), поэтому применение его, едва ли приемлемое в перманентном режиме, должно считаться сигналом напряжённости между коммуникантами, свидетельствуя о мощной воле Г добиться желаемого эффекта.

4. Второй тип косвенного РА представляют фигурирующие в цитатном материале побудительные предложения. С точки зрения разметки диалогического обмена представляют это довольно курьёзный случай, где Упрёк/Жалоба становится синтаксически, а следовательно – и категориально выше директива, тогда как перлокутивным эффектом всё равно, конечно же, следует считать воздействие на А с тем, чтобы побудить его к тем или иным поступкам. Впрочем, в репрезентации (Olshtain, Weinberg, 1993), например, это противоречие снимается за счёт применения к Жалобам «сквозной» шкалы обострения конфликтности от (косвенных) вопросов и констатаций к директивным высказываниям, которые занимают центральное место перед Предупреждением и Угрозой. С необходимой тут поправкой на различия в объёмах дефиниций РД между носителями разных языков можно предположить, что к такому нетривиальному решению, как поставить директив под оператор вердиктива, авторов (субъектов цитирования) в примерах корпуса сподвигает ощущение относительно слабой иллокутивной силы высказывания как директива: *アタマ使って、それ以上の策を考えろ!* = *головой подумал бы и предложил что-то более путное* (shisseki; указание на порицаемый признак), то есть, логика, в чём-то обратная построениям авторов упомянутой работы.

В случае *semeru* сказывается также и сино- и омонимия этого РГ, что (оставаясь тем же фонетическим словом для носителей) в записи другим иероглифом (攻, а не 責) означает *нападать* (ср. у А. Вежицкой про attack). Точку семантического перехода между двумя значениями можно нащупать в русском *наседать*.

См. также Запрет с *shikaru*: *庭を乱すな* = *не надо устраивать бардак в саду*, *batoo-suru ふざけるな* = *не дури*, Требование с *fuman* *もっとよこせ* = *дай ещё*, Команду с *hihan** *もう一歩だ* = *ну, ещё шаг!*

Наибольший процент таких КРА-директивов (9 из всего 14) приходится на shitta: 戦え = *сражайтесь!* или 眠るな眠るな! = *не спать, не спать!* Здесь в ещё большей степени можно диагностировать ту разновидность упрёка (в осуществляемом Р), которая минимально отстоит от призыва к исполнению не-Р, см. рус. *распекать*. Не случайно в 4 случаях видим основосложение этого РГ с gekirei = подстёгивать, см. с цитатным материалом もっと、やる気を起こせ = *покажи, на что ты способен!*

Множеством директивов раскрываются и речевые ходы, описываемые monku – от инструкций (静かに = *тихонько!*) до вербализаций мотиватора в бенефактивности действия для Г: やめてくれ = *перестань, будь другом*.

Лишь с shikaru встречаются директивные иллокутивные формулы (в основном Запреты) – междометия и идиоматизированные директивы こら/コラ = *так/эй! / я что сказал!* (4 вхождений), しッ = *цыц*, いい加減にして! = *кому сказано,恥を知れ* = *постыдился бы*. Сюда же можно отнести и полемическую формулу 話が違う! = *речь вообще не о том! / это здесь вообще при чём?!*

К непосредственно директивным высказываниям примыкает широкий круг суждений с модальными показателями долженствования, которые сами конвенционально воспринимаются как КРА для директивов, но считаются прямым выражением критики тоже не могут (кроме, пожалуй, выражений упущенной возможности). См. 問題を取り違えてはいけない = *не надо подменять проблему*, 忘れてはならない = *нельзя забывать*, 大臣にすべきでない = *ему не следует давать министерское кресло*, 人権を侵害する理由にはならない = *это не причина нарушать права человека* (hihan).

В приименных цитатных конструкциях они ещё более разнообразны, см. 適切でない = *неподходяще*, 適当でない = *неадекватно*, 禁じ手ではないか = *это же запрещённый приём*, 許せない = *недопустимо*, しなければだめだ = *без этого никак* (hihan*). Ср. также и эллиптический вариант: もっと速く出られるようにならないと = *вообще если мы не сможем выдвигаться оперативнее, то...* (fuman). Промежуточное положение между директивами и модальными суждениями занимает ряд переходных форм, воспринимаемых как иллокутивные формулы директива, такие как po de wa nai: 隠すんじゃないねえよ = *нечего там прятать* (fuman)

Вторично косвенным (как вариант директива) может быть признан и вопрос-рекомендация по модели «почему бы тебе не сделать (не-Р)»: 旦那に聞いたら = *почему бы вам у мужа своего не спросить [я недоволен тем, что вы не знаете и/или у меня спрашиваете]* (fuman), ボヤボヤしてないで真面目に働かないか = *а не хочешь поработать посерьёзнее, вместо чтоб прохлаждаться?* (monku).

Редки примеры КРА-комиссиров (всегда в комбинации с директивом), см. фактическую Угрозу, рубрифицируемую автором как претензию: 何もしない失敗は許さない = *я не допущу, чтобы всё провалилось из-за (твоего) бездействия* (semeru). Среди условий такого транскатегориального сближения – сильно дерационализированные контексты, где сам Г достаточно смутно ориентируется в средствах достижения цели, выражая своё некомфортное состояние. Таковы частотные случаи с nonoshiru: 悪魔にくれてやる = *ох я ж тебя чертям отдам*, あんな奴、縁を切ってくださいなら、わたくしも二度と来ませんから = *если ты с этим типом не порвёшь, то меня здесь ты больше не увидишь*. Наоборот, Обещание применяется как тактика мотивации с shitta: 作れ、作れ、作っただけ売ってやる = *ты делай, делай, а продать сделанное – моё дело*.

Признания в собственных затруднениях описаны в литературе как fishing – тактика, направленная на «выживание» у А ответа за его действия, их вызвавшие (Pomerantz, 1980): 無用な結果を見せつけられて、あきれた = *я расстроилась, когда у меня нашли бессмысленные результаты* (monku). Разумеется, успешность такой тактики достигается на эмоциональном, а не рациональном уровне – отсюда ноль примеров с hihan, kyudan.

Малочисленны примеры КРА Упрёка как указания на собственное действие Г (не компенсированное должным образом А); это может быть подано и как запрос подтверждения (во всяком случае, в рамках коммуникативного скрипта – точно реакции): 一気にグイッと引くって言ったろう = *я ж тебе говорил, надо резко потянуть* (shikaru). Внешне этот тип как будто подходит

под «нижние», косвенные стратегии критики у (Olshtain, Weinbach, 1993) и (Trosborg, 1994), но реальный ущерб «лицу» А определяется силой импликации, см. пример с предельно жёстким *kenasu*: 「まずい夜の料理にもがまんしている」などとけなされてまで、夫に服従していなければならない自分に我慢ならなかった = *было невозможно терпеть и подчиняться мужу, когда он аж смешивал меня с грязью, заявляя, что, мол, терпит мою отвратительную стряпню по вечерам*. Из подобных примеров видно, что само указание на себя как относительно периферийный участок ситуации речевой критики оправданно тогда, когда оно прозвучит достаточно веско (для чего прегрешение А должно быть существенным); в противном случае серьёзный «наезд» рискует превратиться в смехотворный каприз.

К КРА можно назвать и весь комплекс высказываний о собственных наблюдениях, которые в речеактовой разметке текста пришлось бы снабдить двойной маркировкой – как признание (о своих наблюдениях) и указание на негативно воспринимаемое когнитивное состояние Г: *努力すらうかがえない* = *не просматривается даже усилий* (*hihan*). Внешне понижающие конфликтность высказывания до уровня «намёков» (Trosborg, 1994), они способны конвенционализироваться и переходить в разряд маркеров обратного порядка. В этом смысле вообще роль когнитивных, и в первую очередь эвиденциальных операторов в переходе от констатирующего высказывания к критическому, безусловно, заслуживает отдельного исследования с учётом аспекта языковой вежливости, см. *表面に出すことを避けていたようだ* = *похоже, они избегали огласки этого дела* (*hihan*).

К КРА можно отнести констатации последствий порицаемого Р, см. с более универсальными показателями: *差別化につながる* = *это приведёт к сегментации рынка* (фактическое следствие), *介入を正当化することになる* = *это будет означать оправдание интервенции* (квалификация следствия, *hihan**), также с характерным показателем негативно оцениваемого результата: *大カルテルは資本主義の在り方の典型で、人や国家社会をも支配しかねない* = *крупные картели типичны для капитализма, они могут контролировать и отдельных лиц, и даже целые страны и сообщества* (*hihan*).

КРА для описываемой зоны являются и экспрессивы, на которые особенно «плодовиты» *fuman* и *monku*, с их изначальным синкретизмом между критикой (недовольство действиями А) и жалобой-1 (недовольство действиями третьих лиц, объективным состоянием дел): *こんな仕事は望んでいないのに* = *я ж не такую работу хотел!* См. также эллиптические варианты: *最初から全文で説明させてくれていれば...* = *если б вы мне изначально дали всё объяснить в письменном виде*, *初から社長自身でやればよかったのに* = *этим изначально следовало заниматься гендиректору!* Чистые экспрессивы в этой субкатегории выражены междометиями: *畜生!* = *о, чёрт!* (*nonoshiru*).

Обращает на себя внимание различная степень приемлемости косвенных РА: так, с *semeru*, *togameru*, *shikaru* вопросы-упрёки типа «почему», «что ты делаешь» встречаются прямо в глагольной конструкции, тогда как с *hihan/hinan-suru* подавляющее большинство случаев относятся к «расширительной» цитате при номинализате. Побудительные цитаты чаще встречаются с *shikaru* и производным *shitta*, что показывает близость РД, описываемого этим РГ, к директивному «ядру».

Наиболее свободная трактовка содержания, рубрифицируемого носителями ЯЯ как критика / претензия, в целом свойственна *shikaru*, сравнимое с тем кругом действий, которое допускает рус. *попрекать*. Попрекать, как известно, можно и (а) последствиями критикуемой ситуации, и (б) общепринятыми соображениями в подтверждение своих убеждений, и (в) чужим примером (см. тот же приём для усиления Порицания в русском (Иванов и др., 2003, 495)), и (г) лучшей альтернативой: (а) *ここで臆すれば命を失うことになる* = *страусь сейчас – распрощаешься с жизнью*, (б) *会社は仕事をする場所だ!* = *в компании нужно работать!* (в) *よその主婦は、もっと家の中をシッカリ守っている* = *другие домохозяйки о своём доме заботятся как следует*, (г) *美味しく食べられるのに* = *и ведь можно же было вкусно покушать*.

5. Теперь стоит остановиться на доминирующих структурных моделях (или в более широком смысле структурных элементах), представленных преимущественно или исключительно в рассматриваемом типе высказываний. Сразу следует оговориться, что не все из них однозначно

допустимо трактовать как чёткий маркер (а не сигнал принадлежности, token) негативных вердиктивов, ведь в любом речевом взаимодействии допустима онлайнное переистолкование сказанного в координатах его релевантности в контексте. Так, вряд ли имеет смысл специально фиксировать окказиональные структуры типа использования конструкции РА Рассуждение в цитатном материале при РГ «изобличения» - понятно, что это в известной степени речевая игра, которую Г использует в соответствии с текущей коммуникативной тактикой, в данном случае, скажем, - поддержать ощущение синхронного развёртывания своих соображений: **最初から知ってたんだな** = *так ты, значит, всё знал с самого начала* (kokuhatsu). Максимальную объяснительную ценность представляют, конечно, те случаи, которые встречаются с неединичным РГ и фиксируются в разных типах цитат. Последовательное обследование однотипного материала позволяет упорядочить и дополнить весьма прозорливые наблюдения в (李, 2016) о представленности конструкций с операторами отрицания, ограничения (наряду с риторическими вопросами и деонтической модальностью, см. выше).

(а) Данные корпуса подтверждают тезис (李, 2016) о распространении среди констативных высказываний в материале цитаты претензий к степени свойства или (интенсивности / количества) действия. При этом имеются и случаи, когда критикуется собственно «перегиб», но не реже имеет место своеобразный сдвиг фокуса с прямого указания на порицаемое действие (свойство) на его чрезмерную степень – стандартным средством выражения для чего становится формант -sugi- (см. о той же тенденции в русском Порицании). Благодаря этому, с одной стороны, возникает иллюзия относительной толерантности на стороне Г: см. **自然を破壊しすぎだ** = *слишком много экологического вреда было причинено* [$\neq$ было бы чуть меньше, мы бы не возражали] (hihan*; ср. рус. *ты что, вообще, что ли [хотя до некоторого меньшего предела я бы не стал возмущаться]*?). Притом, однако, как бы невзначай подчёркивается значительная степень нарушения и его нежелательности. В указании на наличный факт порицаемого действия («длящееся нарушение») эффектен аспектуальный показатель -te iru: **裁量の余地を与えすぎている** = *слишком обширный простор для суждения*, **飛躍しすぎている** = *это слишком далёкий логический скачок* (hihan*). Той же цели служат лексические средства: **過大な利益がファミリー企業にストックをされている** = *излишние прибыли накапливаются в семейных компаниях* (hihan*), **企業経営をあまりに財務寄りに変えた** = *менеджмент стал чересчур ориентирован на финансовую эффективность* (hihan*).

Выход за рамки принятой нормы передаётся внедрением выделительной частицы made: **不動産賃借権のような場合にまで適用されるべきでない** = *применение этого принципа не следует притягивать к случаю аренды недвижимости* (hihan*). Эта тактика срабатывает и в КРА-вопросе: **そこまで考えなかったのか** = *неужели вы до такой степени ни о чём не задумывались* (shikaru).

Недостаток количества выражают предикаты kakeru: **社会的意識に欠けている** = *не хватает общественной сознательности* (hihan*), **juubun de nai: 努力が十分でなかった** = *не было приложено достаточных усилий* (shiteki), компоненты иероглифического слова: **地域の歴史や文化を軽視するものである** = *недостаточно внимания к региональной истории* (hihan*), а также ограничительные концовки и частицы, из которых ярко выраженную оценочность имеют ni suginai: **不登校は、現象の一部にすぎない** = *непосещение школы – лишь часть проблемы* (hihan) и особенно bakari: **ゴルフばかりしている** = *один гольф на уме* (monku), тогда как dake приобретает оценочность лишь в ряде конструкций, см. **人間社会を自然に投影しただけだ** = *он лишь проецирует на природу особенности общества* (hihan).

Недовольство количеством в фокусе РА подчас определяет саму возможность использования косвенного РА, например, **もつとよこせ** = *ещё положи-то [меня не устраивает, что так мало]*, где без наречия рубрикация в fuman была бы неприемлема. Ср. с КРА-вопросом: **なぜもつと早く言わなかったの** = *что ж ты раньше-то не сказала* (shikaru) (претензия в том, что недостаточно рано). Ср. также передающий элемент недовольства количеством адвербиал степени too sukoshi фактически в любой просьбе и вопросе: **もう少し改善できないか** = *а нельзя ещё немножко улучшить условия?* (fuman). Недовольство сигнализирует и полярное ограничительное

наречие tan-ni: 単に市場の利益や経済的側面のみで語ることはできない = *это невозможно объяснить одной только рыночной прибылью и экономическими мотивами* (shiteki).

(б) Всяческие обвинения в адрес А логически подкрепляется суперлативом. Усиливается негативно оцениваемое отрицание: 「これから勉強しても間に合いっこない」 = *даже если возьмёшься за ум сейчас, всё равно ни в жизнь тебе не успеть* (monku).

Усилению, гиперболизации подвергаются указания на порицаемое свойство, а особенно – навешиваемые ярлыки: 第一級の異端者 = *перворазрядный еретик*, 軽率の至り = *верх легкомыслия* (hinan*), 会話の基本中の基本ができていない = *не владеет основами основ разговорного общения* (fuman).

Своего рода прагматической гиперболой служит приравнивающая конструкция P ni hitoshii = всё равно что Р, см. 他国の文化を愚弄している現代の「ジム卿」に等しい = *всё равно что современный лорд Джим, высмеивающий культуру других стран* (hinan*).

(в) С многими РГ встречаются обозначения попытки действия, в критическом контексте эксплуатируемые ради вводимой ими инференции неудачи, а то и обречённости порицаемых действий: 防衛力増強を合理化しようとしている = *пытаются рационализировать раздутые расходы на оборону* (hihan*).

Сходный нюанс – неверное, обречённое планирование на стороне деятеля передают единицы, обозначающие несогласие Г с логикой действий: どうして約束をしておきながら電話もくさらないのか = *что ж ты обещал, а не позвонил* (monku).

(г) Эллиптические модели включают отличную от назывной (изолированного имени) односоставную структуру с одиноким подлежащим, см. この呆けどもが! = *ох уж эти идиоты!* (bato-suru). Вариации этой модели включают опущение показателя рематического именительного падежа, а также внедрение «презрительного» суффикса, см. оба в примере с тем же РГ: この枯れかけた棒ぎれめ = *палка засохшая (вот ты кто)*.

Своего рода антипод этой модели – одиночное подлежащее, называющее действие, чья характеристика потом затруднена или напротив чересчур очевидна: そうはいつでも、膨大な額の『儲け』が少数の金持ちの手に集中するのは... = (fuman). Усиленный вариант этого построения снабжён оценочно окрашенным pante: 犯罪者の釈明を本にするだなんて = *но чтобы книгу делать из показаний преступника!..* (hinan*).

Частичный эллипсис в группе сказуемого, которое лишается финальной частицы, производит эффект одновременно и сильно раздражённого, и достаточно щадящего А высказывания, см. с hinan*: 小説家の癖に二股かけて = *ты ж писатель, а чё ж ты изменяешь, а?* Ср. ещё более радикальную версию с bakari: 「男は仕事の成功ばかりにこだわって」 = *для мужика работа это прямо вот успех и всё тут* (monku).

Наиболее распространено опущение одной из частей сложного предложения, см. с fuman: ぼくもいるのに... = *я ж на месте,館長の足元にも及ばないというのに* = *хотя директрисе он в подмётки не годится*, с monku: 部屋が狭いのに = *хотя комнатка тесненькая*. Помимо указания на фактологическое обоснование недовольства, в этой же конструкции используются и описания воображаемых миров: 業者に頼む金があればいいのに = *другое дело, будь у нас у кого одолжить из партнёров* (fuman). Также случаи эллипсиса включают описанные выше экспрессивы для случая fuman, приближающиеся к РА Жалоба1 (рассказ о своих негативных переживаниях). Напротив, однозначно на неправильное поведение деятеля (но не только А, а также и самого Г, в прошлом) указывает эллиптическое выражение упущенной возможности: 市長が慎重な行動を取れば = *если б мэр вёл себя осмотрительнее* (hihan*).

(д) Конструктивные особенности не чужды и уже разобранным типам КРА вопросов. Так, ситуацию с навешиванием ярлыков в гнезде hihan отличает особое, более «вкрадчивое» построение вопроса за счёт выделителя: 「エリート教育」になってはいないか = *а не имеем ли мы случайно дело с тем, что называется «отдельным образованием для своих (для элит)»?», ср. также с shiteki: 看過させはしないだろうか = *не будет ли это часом проигнорировано?**

Маркером вопроса, не имеющего целью получение информации («Предъявы»), либо же комбинующего запрос информации с критикой действий (А), служит (невопросительная) эмфатическая концовка по да, см. особенно содержание цитат с semeu: どうしてわからんのだ = *да откуда тебе знать-то?*

Эффект усиливается за счёт введения финальной частицы уо, более однозначно указывающей на оценочную (а не информационную) ориентацию вопроса: レジの下に置いてある段ボールを見、「なんだよう、これえ」 = *увидела коробки под кассой – и сразу в претензию: это чё такое, а?* (fuman)

Ещё более узко очерчивается зона вопросов-КРА, маркируемых аккузативным panі (о), ср. весьма близкий по структуре русский вопрос-претензию «что/чего/чѐ+Р», как в переводе: なにを愚図愚図しているのか = *что ты (там) копаешься-то?* Примечательно, что такой градус эмоционального давления на А выдерживается лишь в случае semeu, nonoshiru, но не hihan, hīnan – речевых ситуациях, где требуются рациональные аргументы.

Специфической моделью вопроса-упрёка следует признать -P-te doo suru? См. そんな弱気でどうする = *да куда тебе, слабаку такому?*

Скептические КРА-вопросы типа «зачем делать» снабжаются специфическим коннектором kurai nara: 子どもを捨ててわが身の無事を願うくらいなら生きてなんになるのか = *Если ты аж ребёнка готов бросить ради собственной безопасности, какой смысл жить?* (shikaru).

(е) Кругу императивов, рубрифицируемым как критика, также свойственны некоторые структурные особенности, указывающие на сопротивление А и негативную оценку Г его поведения. Примечательна концентрация таких примеров с fuman, выступающим рубрикой для микса директива и критики в модальности, приближающейся к defu у А. Вежбицкой: 朝食の用意くらいしていけ = *ну ты хоть завтрак-то нам приготовь; たまには、もっと高級な店へ連れてってよ* = *ты б меня что ли для разнообразия разок сводил в чуть более приличное место; おまえも女ながら家事くらいしろよな* = *раз уж ты такой весь из себя слабый пол, так занялась бы домашними делами хоть, что ли; さっさとしろよ* = *так, поживее давай.*

(ж) Некоторые свои маркеры негативные вердиктивы «делают» со смежными типами высказываний, как, например, ni kagitte, shi ya shinai: ニクツたらしいったらありやしない = *как же (он) бесит* (tsubuyaku). Подобного эмфаза характерна также и для жалоб как экспрессивов, не связанных к критике чужих действий. Ср. также с другими оценочными предикатами, передающими недовольство ситуацией, в т.ч. с суффиксами фасилитативов -gata- -niku-: 賛成しがたい = *трудно согласиться*, 認めがたい条件 = *такие условия сложно принять* (hihan), 売りにくい価格 = *по такой цене продать будет непросто*; 改革にはほど遠い = *на реформу это пока не сильно похоже* (hihan*). В некритических контекстах тоже присутствует, хотя и иначе функционирует natte inai: 監督がなっていない = *это не режиссура* (shisseki).

Материал различных ярусов, вскрывающий когнитивную «предысторию» утверждений Г, будет разделяться с близкими типами высказываний в той мере, в какой обоим релевантна соответствующая сема, см. случай nakanaka с его «следом» неожиданности и несоответствия ожиданиям: なかなかスムーズに受けてくれない = *всё чем-то недоволен* (hihan), см. также описанные выше случаи с ikkooni = *ни разу / никак (не)*. Соответственно, собрав по возможности обширные контексты с каждой такой единицей, можно будет и подсчитать степень её полярности, т.е. тяготения к определённом контексту, и определить прагматический вклад в общий смысл высказывания.

Zo встречается в различных полемических контекстах, где главная цель Г – показать не неудовольствие, а неправоту А, см. с najiru: 前に言ったことばと全然違っているぞ = *так вы же совсем не то говорили раньше.*

Эмоционально окрашенный противительный союз popi в финальной позиции эллиптической конструкции встречается помимо негативных вердиктивов лишь в цитатах с общеизъявительными РГ и экспрессивами типа odoroku, tomadou, ki ni kakaru, kuyamu, nikumigoto o iu, типичным образом с shisseki: あれほど注意したのに = *а ведь так внимательно всё делал*; 教えたのに = *я же тебе всё объяснил.*

Концовка для высказывания о неожиданном *to wa omoenai* может использоваться и с похвалой, а не только с критикой, как ナチュラルとは思えない。あの粉はケミカル・パウダーだろう」 = *не похоже на натуральное, я подозреваю, что это какой-то химический порошок* (*monku*), но уже *to wa ienai*, во всяком случае, судя по материалам корпуса, однозначно «монополизованы» критическими высказываниями: 公正な手続とはいえない = *справедливой такую процедуру никак не назовёшь* (*hihan*)*. Аналогично ведут себя как исключительные маркеры критики *to shika omoenai*, *iwazaru o enai* и близкие формулы со значением вынужденности когнитивного или речевого действия, контрастируя с формальными эквивалентами в русском, где «вынужден сказать / заметить» остаётся нейтральной фигурой речи: 誇大的かつ妄想的であるといわざるをえない = *приходится признать, что мы имеем дело с болезненной мегаломанией* (*shiteki*); 米国が敵視政策を解消して政策転換を行うのか疑わざるを得ない」 = *крайне сомнительно, что США пересмотрят свой враждебный курс* (*hinan*). Ещё одна сходная конструкция – *iwarete mo shikata ga nai*: 根拠が記載されていなければ、やはりそれだけ信用性が弱いといわれても致し方ない。 (*hinan*).

Ясность в подобные случаи позволяет внести проверка наличия в корпусе вхождений с иной коммуникативной направленностью. Например, из конструкций, отмеченных выше, лишь в цитатах с «первичными» РГ вопрошания (*kiku*, *tazuneru*) сочетаются концовки «рассерженного вопроса» *shiteiru n da*, что позволяет относить их к однозначным маркерам данной группы. Из РА-специфичных РГ лишь с разобранными *hinan-suru* и *shikaru* встречается оценочный предикат *-rashiku nai*, фиксирующий несовпадение описываемого с эталонным представлением Г (что лишь в нетривиальном контексте не получило бы отрицательной оценки), упомянутая конструкция *ni hitoshii* = *всё равно что*. Не претендуя на обобщения в рамках всей языковой системы, для избранного способа отбора и обработки данных приведённые закономерности служат подтверждением валидности сделанных выводов.

(з) Из морфологических маркеров критического высказывания встретился (*shi*) + (*y*)*agar*-, см. с *batoosuru*: 思いあがっているよ = *(что) ты (там себе) думаешь*. Сложность обработки таких, а также принадлежащих к следующему типу данных состоит в том, что их функционал несегментен, то есть независимо от типа высказывания внедрение соответствующей единицы будет давать как элемент интерпретации фрагмента метку «Критика».

(и) Использованный формат исследования не позволяет «засечь» все лексические маркеры, которые могут быть рассыпаны по материалу цитат, значительно отстоящему от поискового фрагмента и потому отсекаемого в корпусных выдачах. Из тех, что таки «нашлись», стоит отметить, например, *mane*: ばかなまねをするな、と罵倒 = *ты эти дурацкие шутки брось, - бранился он; なんの真似だ」と文句をつけた* = *что это за дела?* - *сказал он с претензией* (косвенный вопрос-упрёк); なぜ父の病気を世間に公表するような真似をしたのかという非難の声 = *критика, к чему была эта выходка – рассказать всем о болезни отца*.

Так же ведут себя *renchuu* = *типы, компашка*, *aitsu* = *тип, субъект*, и ещё многие оценочно маркированные единицы. Целые классы подобных единиц составляют критические наречия типа *yatarani*, *muuamini* (Чиронов, 2021), которые обнаруживают дистантные коллокации с рассматриваемой группой глаголов уже при отходе от строго цитатной конструкции – например, к пересказывательной (где элемент косвенной цитаты ещё сохраняется в отстранении автора пересказа от оценочности): むやみに外来語を使う人びとを激しく非難した = *резко раскритиковал использующих иностранные слова где надо и где не надо*. Данные нынешнего исследования позволяют дополнить эту группу не указанной в ней ранее единицей *iikagen(-ni)*, маркирующей резко критическое отношение Г к А вне зависимости от типа высказывания, так сказать, поверх линейной структуры, см. пример, где формально адвербиал модифицирует волитивную конструкцию: 先輩のフォローをむなしく「期待する」なかで「いい加減に縁を切りたい」という不満がつのっていくのである。 = *пока напрасно ждал отклика старшего товарища, закивало возмущение: мол, да я с тобой просто порву отношения, к чёртовой матери!* К критическим контекстам будут тяготеть и другие наречия с семей обманутых ожиданий, в частности, наречия степени: これでは基地の実態は表せないではないか = *реальная же ситуация на базах у вас не отражена* (*hihan*)*.

Также лексическим маркером критического высказывания является глагол *komaru*, эксплицирующий запретительные контексты, см. с *monku*: 困るじゃないか。それじゃ私の出番がなくなる = *Меня это не устраивает, ведь тогда мой номер исключается; такая игра, в которой я выйду, мне не нравится*. В принципе практически вся оценочная лексика практически автоматически подпадает в категорию маркеров РА Критика: 国への甘えや依存体質を生む温床 = *рассадник для патерналистской психологии* (hihan*). Задача выявления и систематизации таких выразительных средств усложняется их действием на отрезках текста, превышающих микроуровень, на котором ведётся анализ в этой статье. Скорее речь идёт о менее формально выявляемых методах (перлокутивного) воздействия на А, «распылённых» на протяжении всех продолжительных высказываний, к которым относятся литературные, публицистические и ораторские речевые произведения (李, 2016).

4. Заключение

Значительные несовпадения в языковой концептуализации и структурах для описания речевой практики в зоне негативных вердиктивов для случая японского языка можно свести к двум мощным факторам. Первый – особенности общественно-языковой реальности в Японии, включающие отставание развития общественной дискуссии от либеральных западных образцов. Здесь языковая картина представляет своего рода «запаздывающий показатель», так как часто далеко не сразу язык способен угнаться за изменениями в обществе, продолжая структурировать действительность по конвенциональным лекалам. Помноженное на специфический патернализм (что сказывается в любви к жалобам, но неготовности к ответственному обсуждению), а также морализаторский перфекционизм (малейший огрех считается с публичной «сцены» и становится делом соответствующих инстанций), оно становится ещё более устойчивым, вязким. При всей видимой силе такого рода аргументов они относятся к епархии социолингвистики с её специальными методами и должны разрабатываться отдельно.

Второй фактор – сугубо структурный и состоит в тенденции к перераспределению информационного содержания в порождаемым на данном языке текстам вообще в пользу иллюстративных фрагментов относительно категоризирующих, называющих. В силу этого вместо исчерпывающей таксономии рубрификация нередко производится либо по укрупнённым, внутренне менее однородным классам, либо по дополнительным, иногда второстепенным критериям, нацеленным на синергетический эффект. Именно под этим углом можно рассматривать наибольший теоретический вызов обследованного материала, какой, несомненно, являет собой чрезвычайное разнообразие типов высказываний, рубрифицируемых носителями языка в негативные вердиктивы. Конечно, здесь нельзя полностью сбрасывать со счетов естественное терминологическое напряжение между классификацией РА как ментальных конструкторов, получающих чёткие дефиниции в голове исследователя, и спонтанной категоризацией их в практике использования языка. Но даже с учётом более рассеянной, «облачной» природы бытовых категорий обозначенный факт требует ответа, который, думается, может быть тоже дан в двух плоскостях.

Первая предполагает существенную «перетряску» представлений о внутренней иерархии РА, включая деление их последовательности в речи на уровни макро- и микро-РА. Вторые тогда выступают в подчинённой роли первым, чьё превосходство, в свою очередь, обосновывается фокусировкой перлокутивных эффектов. Именно степень соотношения (приоретизации в сознании Г) взаимосвязанных, но дискретных эффектов каждого из набора компонентов РА тогда будет объяснять наиболее неожиданные случаи, когда не упрёк делается ради и как часть побуждения, а побуждение и, как итог, реальное выполнение действия уступает по своей ценности для Г возможности «пнуть», «оттоптаться» на А, доказать свою правоту и т.п. – коммуникативные цели, не так уж оторванные от окружающего нас речевого существования. Указанные эмпирически доступные разночтения, разумеется, в конечном счёте ставят вопрос о сборе достаточных данных об иерархической упорядоченности РА в сознании носителей ЯЯ, что, видимо, невозможно было бы не учитывать и в уточнении речеактовых таксономий в универсальном плане.

Ещё один подход предполагает поставить по главу угла всю совокупность возможных пропозиций, помещающихся в рамки коммуникативного фрейма «упрёк» / «критика», и сумму вовлечённых в их отражение речевых действий. Их схематичное исчисление будет включать как раз:

- порицаемое / желательное действие (обратны)
- логическая причина совершить то и другое
- внутренняя мотивация деятеля совершить то и другое
- негативные последствия порицаемого действия
- положительные результаты желательного действия
- (неочевидная всем коммуникантам) каузальная связь между всем выше
- моральная, юридическая квалификация
- переживания Г из-за порицаемого / желательного действия
- воля Г добиться реализации желательного
- предыстория попыток Г добиться этого (и реакций А)

Нетрудно убедиться, что все эти компоненты фрейма в точности воспроизводят общий набор высказываний, которые в примерах из корпуса подводятся (в рамках цитатных конструкций) под категорию негативного вердиктива (см. интерпретацию сходного набора (микро)РА на англо-русском материале (Gallagher, 2014)). Вопрос выбора конкретного элемента, по всей видимости, самым прямым образом связан с выделенностью его в сознании Г в силу как контекстного окружения (например, большей осведомлённости об определённом фрагменте общего набора фактов из перечисленных), так и с коммуникативной тактикой и на локальном уровне (оценка более или менее сильных аргументов для воздействия), и на глобальном уровне (установки на гармоничность или конфликтность общения, степень взаимопонимания и прочее). Расчёт на способность А уловить подстраиваемый Г перлокутивный эффект и определяет возможность представить лишь часть, обладающую достаточной релевантностью для достижения той цели. Ширину диапазона таких кандидатов демонстрирует курьёзный пример, где для выражения упрёка Г ограничивается вообще фатическим (то есть, контактоустанавливающим) выражением – остальное, видимо, А (и с ним цитирующий автор) улавливает сам: 「あのなあ」 = *эй, милейший!* (с monk; сравни, однако, красноречивые покашливания, «выстрелы глазами» и прочие ещё более лаконичные способы, выудить которые возможно, надо думать, и из японского корпуса тоже, соответствующим образом перенастроив поисковый режим). С другой стороны, названное требование релевантности при этом ставит надёжный заслон на «волнительную» возможность неконтролируемого разрастания «вольных интерпретаций» РД: в косвенные РА (в терминологии абзаца выше) могут попасть лишь те, что сходят в фрейм рубрифицирующего РГ, то есть набор их кончен и исчислим.

Основной вывод из наблюдений за формальными особенностями негативных вердиктивов – в их факультативности. Как и многое в сфере языковой прагматики, использование шаблонов не обязательно, это не грамматическая форма, без которой высказывание становится аномальным, считывающий имплицатуры механизм срабатывает и без неё, но требует большей нагрузки. Напротив, прибегнув к описанным моделям и шаблонам, Г повышает узнаваемость своей интенции и (проверенный длительным конвенциональным употреблением) эмоциональный нажим на А (ср. используемое в (Иванов и др., 2003) понятие «усиления» или «усилителей» высказываний в определённых речевых жанрах). Существуют и данные о предпочтительности для успешной коммуникации гибкого комбинирования нескольких тактик, без взаимной поддержки рискующих оставить интенцию неузнанной (初鹿野他, 1996). В этом смысле обнаружение, упорядочение, изучение и преподавание всех таких средств необходимы для эффективной коммуникации и преподавания языка. Продолжение исследования всех типов перечисленных единиц для различных типов РД, таким образом, должно существенно продвинуть вперёд выкладки относительно функционального (коммуникативного) потенциала синтаксических конструкций (山岡, 2001), проследив тенденции употребления (а, следовательно, и предсказания) тех или иных типов высказываний. Задача-минимум на этом направлении – уточнение прагматических потенциалов тех конструктивных и иных риторических средств, что показали себя относительно частотными

в изученной зоне, но не принадлежащими ей одной (например, выражений аспектуальности *-te inai*, *(shi)gachi* и других); также – подключение доступного в корпусе материала о мультимодальных средствах выражения иллокутивных интенций, включая, но не ограничиваясь невербальными – вздохами, нахмуренностью, закатыванием глаз, в духе подходов (Jucker, 2024), см. также (白田, 2024). Задача-максимум включала бы расширение рамки рассматриваемого материала за счёт обширных доступных коллекций цитат в первую очередь в интернет-среде, где в исследуемой области, да и не только, активно развиваются новые (Лутовинова, 2021; 2022), порой вызывающие споры и конфликты, речевые практики.

© С.В. Чиронов, 2026

Список литературы

- Бушуева Л. А. Колкость как речевой поступок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. №4. Т. 23. С. 32-335. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334
- Бушуева Л. А. Модель поступка «оскорбление» сквозь призму семантических ролей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/40-46
- Иванов Л. Ю., Сковородников А. П., Ширяев Е. Н. и др. (ред.) Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Флинта: Наука, 2003. 840 с. ISBN: 5-89349-389-3, 5-02-002766-9
- Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторах) // Жанры речи. 2023. №. 4 (40). С. 375-385. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385
- Лутовинова О. В. Жанровые характеристики хейтинга // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 9 (162). С. 96-103. EDN: VSBFR
- Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. №3 (35). С. 212-219. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219
- Чиронов С. В. Наречие в японской речи как выразитель модусных значений. МГИМО-Университет, 2021. 478 с. ISBN: 978-5-9228-2466-8
- Чиронов С. В. Прагматические модели вопроса: данные японского языка // Филологические науки в МГИМО. 2015. №1. С. 80-103. EDN: VCVAIH
- Шилихина К. М. Речевой жанр «замечание» на шкале «вежливости-антивежливости» // Жанры речи. 2025. №. 3 (47). С. 265-272. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-265-272
- Юскаева Э. И. Жанр жалобы в сетевых сообществах поддержки // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №. 11 (47). С. 34. DOI: 10.18454/RULB.2023.47.34
- Austin J. L. How to do things with words. Harvard University Press, 1975. 186 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198245537.001.0001>
- Gallagher B. The speech act set of direct complaints in American and Russian cultures // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2014. № 4. С. 167-177. EDN: TFLGUD
- Jucker A. H. Speech acts: discursive, multimodal, diachronic. Cambridge University Press, 2024. 76 p. ISBN: 9781009421492
- Martin S. E. A reference grammar of Japanese. New Haven & London: Yale University Press, 1975. 1198 p. ISBN: 0-8048-1550-X
- Olshstein E., Weinbach L. Interlanguage Features of the Speech Act of Complaining // G. Kasper & S. Blum-Kulka (eds.), Interlanguage Pragmatics New York, Oxford: Oxford University Press, 1993. pp. 108-122.
- Pomerantz A. Telling My Side: "Limited Access" as a "Fishing" Device // Sociological Inquiry, 1980. 50. Pp. 186-98. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1980.tb00020.x
- Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in society, 1976, vol 5. pp. 170-194. <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>
- Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics, vol. 3; In book Speech Acts, Cole P., Morgan J. L. (eds.). New York – San Francisco – London: Academic Press, 1975. Pp. 59-82
- Trosborg A. Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints, and Apologies. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. 581 p. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110885286>
- Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 397 p. ISBN: 0123128102
- 白田泰如. 日常会話における「嫌なこと」の語りにおける笑い話の導入手続き // 人工知能学会研究会資料 言語・音声理解と対話処理研究会 100 回 (2024/02). [Усуда Я. Использование юмора для вставок в выражение негативного отношения в повседневном общении // Материалы научной конференции Общества искусственного интеллекта: Исследовательская группа по пониманию языка и речи и обработке диалога, № 100. Японское общество искусственного интеллекта, 2024. с. 95-100.] (На яп. яз.)
- 梅木璃子, 山内優佳. 日本人大学生の第一言語及び第二言語による不平表現の比較—opt out と不平ストラテジーの使用に着目して— // 日本教科教育学会誌. [Умэки Р., Ямаути Ю. Сравнение выражений жалоб на первом и втором языках у японских студентов университетов: с акцентом на использование стратегии «отказа от участия» и стратегий подачи жалоб. // Вестник Японского общества исследований учебных программ. 2024. № 47(2). С. 13-22.] (На яп. яз.)

- 鎌田修『日本語の引用』ひつじ書房 [Камата О. Цитата в японском языке. Токио, Хицудзи сёбо, 2000. 199 с.] (На яп. яз.)
- 鈴木浩輔. 「不平」 場面における中級日本人英語学習者の相互行為–学習者による 「前置き」 の使用に着目して–//日本教科教育学会誌. [Судзуки К. Взаимодействие учащихся среднего уровня владения английским языком в речевой ситуации Жалобы: акцент на использовании «преамбул» учащимися // Вестник Японского общества исследований учебных программ] 2024. Т. 46. №. 4. С. 51-65.] (На яп. яз.)
- 初鹿野阿れ・熊取谷哲夫・藤森弘子「不満表明ストラテジーの使用傾向–日本語 母語話者と日本語学習者の比較–」『日本語教育』[Хадзино А., Куматория Т., Фудзимото Х. Тенденции использования стратегий жалобы – в сравнении носителей и обучающихся японскому языку // Нихонго кёйку. 1996. №88. С. 128-139.] (На яп. яз.)
- プロコピエヴァ, Мария. 日本語とロシア語における不満表明ストラテジー: 親疎・上下・役割関係を中心にして //日本語・日本文化研究. [Прокопьева М. Стратегии критики в японском и русском языках: социальная и вертикальная дистанция, ролевые стереотипы // Нихонго-нихонбунка кэнкю. 2017. №27. С. 150-159.] (На яп. яз.)
- 山内優佳, 深澤清治, 鬼田崇作, 梅木璃子. 不平表現方略の順序構造: 日本人とタイ人英語学習者を対象にした比較研究. 広島外国語教育研究, [Ямаути Ю., Фуказавы С., Кида С., Умэки Р. Последовательная структура стратегий выражения жалоб: сравнительное исследование изучающих английский язык японского и тайского происхождения // Хиросима кокуго кёйку кэнкю. 2022. № 25, С. 77-90.] (На яп. яз.)
- 山岡政紀『日本語の述語と文機能』くろしお出版 [Ямаока М. Предикат в японском языке и функция предложения. Токио, Курошио] 2001, 289 с.] (На яп. яз.)
- 山岡政紀『発話機能論』くろしお出版 [Ямаока М. Функционально-иллокутивная теория. Токио, Курошио. 2008, 198 с.] (На яп. яз.)
- 楊凱榮. 疑問を表さない日本語の「疑問詞+ 動詞基本形+ の」 専修大学 国際コミュニケーション研究 第2号 [Ян Кайжун. Японская структура «вопросительное слово + базовая форма глагола + по» в невопросительной функции // Исследования международной коммуникации в Университете Сэнсю. 2023. №2. С. 58-70.] (На яп. яз.)
- 李奇楠 「批判」の発話について. [Ли Цинань. О критических высказываниях // Ninth International Conference on Practical Linguistics of Japanese, at San Francisco State University, USA 2016.6 [Электронный ресурс]. URL: <https://fh.pku.edu.cn/docs/2018-11/20181120001131026761.pdf> (дата обращения 27. 03. 2026)] (На яп. яз.)

References

- Austin, J. L. (1975) How to Do Things with Words. Harvard University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198245537.001.0001>
- Bushueva, L. A. (2023) Kolkost' kak rechevoy postupok [Retort as a Speech Action]. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, No 4, Vol. 23, 32-335. DOI: 10.18500/1817-7115-2023-23-4-329-334
- Bushueva, L. A. (2023) Model' postupka «oskorbleniye» skvoz' prizmu semanticheskikh roley [Model of the Act "Insult" through the Prism of Semantic Roles]. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, No 2, 40-46. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2023/2/40-46
- Chironov, S. V. (2021) *Narechie v yaponskoy rechi kak vyrazitel' modusnykh znacheniy* [Adverbs in Japanese speech expressing modal meanings]. Moscow, MGIMO-Universitet. ISBN: 978-5-9228-2466-8
- Chironov, S. V. (2015) Pragmaticheskie modeli voprosa: dannye yaponskogo yazyka [Pragmatic models of Questions: data of Japanese]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*, 1 (1), 80-103. EDN: VCVAIH
- Gallagher, B. (2014) The Speech Act Set of Direct Complaints in American and Russian Cultures. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 167-177. EDN: TFLGUD
- Jucker, A. H. (2024) *Speech Acts: Discursive, Multimodal, Diachronic*. Cambridge University Press. ISBN: 9781009421492
- Ivanov, L. I., Skovorodnikov, A. P. et al. (eds.) (2003) *Kul'tura russkoy rechi: Ehntsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary and Reference Book]. Moscow, Flinta. ISBN: 5-89349-389-3, 5-02-002766-9
- Issers, O. S. (2023) Rechevoy zhanr otzyva potrebitelya i ego transformatsiya v tsifrovuyu epokhu (na materiale otzyvov o doktorakh) [The speech genre of consumer feedback and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors)]. *Speech Genres*, 4 (40), 375-385. DOI: 10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385
- Lutovinova, O. V. (2021) Zhanrovyye kharakteristiki kheytinga [Genre characteristics of hating]. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (162), 96-103.
- Lutovinova, O. V. (2022) Sheyming kak rechevoy zhanr [Shaming as a Speech Genre]. *Speech genres*, 3 (35), 212-219. DOI: 10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219
- Martin, S. E. (1975) *A Reference Grammar of Japanese*. New Haven & London: Yale University Press. ISBN: 0-8048-1 550-X
- Olshstein, E. & Weinbach, L. (1993) Interlanguage Features of the Speech Act of Complaining. In G. Kasper & S. Blum-Kulka (Eds.), *Interlanguage Pragmatics*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Pomerantz, A. (1980) Telling My Side: "Limited Access" as a "Fishing" Device. *Sociological Inquiry*, 5, 186-98. DOI: 10.1111/j.1475-682X.1980.tb00020.x
- Searle, J. R. (1976) A Classification of Illocutionary Acts. *Language in society*, 5, 170-194. <https://doi.org/10.1017/S0047404500006837>
- Searle, J. R. (1975) Indirect Speech Acts. In *Syntax and Semantics*, vol. 3, 59-82.
- Shilikhina, K. M. (2025) Rechevoy zhanr "zamechanie" na shkale "vezhlivosti-antivezhlivosti" [The Speech Genre "Remark" on the Scale of "Politeness-Anti-politeness"]. *Speech genres*, 3 (47), 265-272. DOI: 10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-265-272
- Trosborg, A. (1994) *Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints, and Apologies*. Berlin: Mouton de Gruyter. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110885286>

- Wierzbicka, A. (1987) *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*. Academic Press. ISBN: 0123128102
- Yus'kaeva, E. I. (2023) *Zhanr zhaloby v setevykh soobshchestvakh podderzhki* [The Genre of Complaints in Online Support Communities]. *Russian Linguistic Bulletin*, 11 (47), 34. DOI: 10.18454/RULB.2023.47.34
- 白田泰如. 日常会話における「嫌なこと」の語りにおける笑い話の導入手続き // 人工知能学会研究会資料 言語・音声理解と対話処理研究会 100 回 (2024/02). [Usuda, Y. (2024) Using Humor to Insert Negative Attitudes in Everyday Communication. *Proceedings of the Scientific Conference of the Japanese Society of Artificial Intelligence: Research Group on Language and Speech Understanding and Dialogue Processing*, 100, 95-100.] (In Japanese)
- 梅木璃子, 山内優佳. 日本人大学生の第一言語及び第二言語による不平表現の比較-opt out と不平ストラテジーの使用に着目して- // 日本教科教育学会誌. [Umeki, R. & Yamauchi, Y. (2024) Comparison of First- and Second-Language Complaint Expressions among Japanese University Students: With Emphasis on the Use of Opt-out Complaint Strategies. *Bulletin of the Japan Society for Curriculum Research*, 47 (2), 13-22.] (In Japanese)
- 鎌田修 『日本語の引用』 ひつじ書房 [Kamata, O. (2000) *Quotations in Japanese*. Hitsuji shobo] (In Japanese)
- 鈴木浩輔. 「不平」場面における中級日本人英語学習者の相互行為-学習者による「前置き」の使用に着目して- // 日本教科教育学会誌. [Suzuki, K. (2024) Interaction of Intermediate English Learners in Complaints: Emphasis on the Use of "Preambles" by Learners. *Bulletin of the Japan Society for Curriculum Research*, 46 (4), 51-65.] (In Japanese)
- 初鹿野阿れ・熊取谷哲夫・藤森弘子 「不満表明ストラテジーの使用傾向-日本語 母語話者と日本語学習者の比較-」 『日本語教育』 88 [Hajino, A., Kumatoriya, T. & Fujimoto, H. (1996) Trends in Complaint Usage – Comparing Japanese Native Speakers and Learners of Japanese. *Nihongo Kyoiku*, 88, 128-139.] (In Japanese)
- プロコピエヴァ, マリア. 日本語とロシア語における不満表明ストラテジー: 親疎・上下・役割関係を中心にして // 日本語・日本文化研究. [Prokopjeva, M. (2017) Complaints Strategies in Japanese and Russian – Horizontal Distance, Hierarchy and Role Types. *Nihongo Nihonbunka Kenkyu*, 27, 150-159.] (In Japanese)
- 山内優佳, 深澤清治, 鬼田崇作, 梅木璃子. 不平表現方略の順序構造: 日本人とタイ人英語学習者を対象にした比較研究. 広島外国語教育研究, [Yamauchi, Y., Fukazawa, S., Kida, S. & Umeki, R. (2022) Sequential Structure of Complaint Expression Strategies: A Comparative Study of Japanese and Thai English Learners. *Hiroshima kokugo kyoiku kenkyu*, 25, 77-90.] (In Japanese)
- 山岡政紀 『日本語の述語と文機能』 くろしお出版 [Yamaoka, M. (2001) *Japanese Predicates and Sentence Function*. Kuroshio.] (In Japanese)
- 山岡政紀 『発話機能論』 くろしお出版 [Yamaoka, M. (2008) *Functional Illocutionary Theory*. Kuroshio.] (In Japanese)
- 楊凱榮. 疑問を表さない日本語の「疑問詞+ 動詞基本形+ の」 専修大学 国際コミュニケーション研究 第2号 [Yan Kairong (2023). The Japanese Construction 'Interrogative Word + Verb Base Form + No' in Non-Interrogative Function. *International Communication Studies*, 2, 58-70.] (In Japanese)
- 李奇楠 「批判」の発話について. [Li Qinan (2016). On verbal criticisms. *Ninth International Conference on Practical Linguistics of Japanese*. San Francisco State University, USA, 6 (URL: <https://fh.pku.edu.cn/docs/2018-11/20181120001131026761.pdf>, accessed on March 27, 2026)] (In Japanese)

Сведения об авторе:

Чиронов Сергей Владимирович – к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов – лингвистическая прагматика, теория дискурса, когнитивная лингвистика, проблемы лексической семантики. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru
ORCID ID 0000-0003-4960-3294

About the author:

Sergey Vladimirovich Chironov is PhD in Linguistics, Assistant Professor, Head of the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian linguistics, MGIMO. Research in linguistical pragmatics, discourse and semantics. E-mail: s.chironov@inno.mgimo.ru
ORCID ID 0000-0003-4960-3294

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that they have no conflict of interest.

* * *